

ПРОФАНАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ: АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРИЧИНЫ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Тема конференции предполагает размышление о причастности университета современной культуре и обсуждение его роли в региональной среде, однако стратегия выживания университета, официально декларированная в ряде административных решений и ориентированная на заимствованные мировые стандарты и требования рынка, исключает позитивное решение этой задачи. Реформа (ее синоним в нашем случае – аккредитация), рынок и учебный процесс образуют три полюса смыслов вузовской жизни, соприкосновение которых достаточно проблематично.

Инициированная правительством реформа высшего образования и, в частности, нынешняя аккредитация обусловлена тем, что вузы вопреки своим уставным целям и своему сущностному предназначению превратились в конторы по оказанию недоброкачественных платных услуг.

Ужесточение внешних критериев состоятельности вуза, обусловленных осуществляемой Министерством науки и образования реформой, осложняют положение университета и диктуют всем вузам особую стратегию выживания, в которой профанация оказывается не просчетом, а стержнем внутренней вузовской политики. Не наука и качество профессиональной подготовки выпускников определяют статус университета, а их знаки, пригодные для удержания высокого рейтинга.

Профанация как тень следует за всеми административными инициативами, призванными упорядочивать учебный процесс и научное творчество: мы понимаем, что индекс Хирша и действительный авторитет ученого находятся в слабой корреляции, но одной из административных мер, нацеленных на мотивацию научного успеха, служит поощрение работников с высоким уровнем цитируемости. Мы понимаем, что защита диссертации и получение степени кандидата и доктора наук свидетельствует о научном успехе, но не

* © Пермяков Юрий Евгеньевич (permyakov54@mail.ru), кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева.

исключаем и того, что эти события мотивированы желанием иметь бюджетное финансирование, дополнительное материальное вознаграждение и карьерный рост. Мы понимаем, что написание и публикация учебников сегодня для многих авторов стало прибыльным делом. Книжные стеллажи в торговых центрах полны низкосортными учебниками, однако, следуя министерским критериям, рекомендуем студентам не книги, проверенные временем, а те из них, которые изданы в последние пять лет.

На языке повседневного общения обычно делается акцент на эмоциональном восприятии профанации: она представляет собой «опошление, оскорбление и принижение чего-либо своим отношением». В философском аспекте, то есть при уяснении смысловой структуры ситуации, которая интерпретируется как профанация, акцент делается на перемещении предмета из сферы сакральных значений в область человеческой практики.

Профанация как явление современной культуры всегда расположена на границе сакрального и житейского, священного и практичного. Она была бы невозможна без сокровенного, то есть упрямого внутри и особо оберегаемого смысла. Для понимания природы сакрального важна его принципиальная инаковость, непринадлежность повседневности.

Итальянский философ Дж. Агамбен называет профанными те вещи, которые были возвращены в человеческое пользование из владения небесных богов¹. С его точки зрения, религия — это и есть обособление, выделение вещей в особый разряд, с которыми невозможно обычное действие: жертвенное мясо не служит утолению голода, исповедь не преследует цели информирования священника о собственной порочности.

Культуролог Сергей Зенкин в книге «Небожественное сакральное» лишает категорию «профанация» религиозного смысла и ставит под сомнение понимание этого феномена как противоположного по своему значению «священному». С его точки зрения, профанация является следствием подвижных границ в неоднородном социальном пространстве. Само слово «sanctus» он переводит с латинского как «окруженный оградой»². В таком случае профанация в той или иной степени присутствует везде, где неизбежно смешение противонаправленных и резко обособленных смыслов: тиражирование произведений искусства в условиях рынка, пересказ философских идей в учебных пособиях из серии «если завтра экзамен» — все эти приемы, упрощающие и выхолащивающие формы, в кото-

рые заключено ценностное содержание, довольно легко представить объектом эстетической критики и морального упрека. То же мы наблюдаем и на границе соприкосновения права, политики и обыденности. Так, формально-юридические конструкции и процедуры, которые предназначены для становления официальной инстанции в качестве субъекта авторитетного решения — например, суда или парламента, — в области политики, следующей за соображениями целесообразности, могут представлять обузу. И тогда мы видим во время голосования бегающих по залу депутатов, нажимающих кнопки за своих отсутствующих коллег. Регистрация брака не только меняет правовой режим человеческих отношений, но и служит внешним для права целям: например, установлению родственных отношений, необходимых для карьерного роста. Во всех этих случаях видна профанация идеи права, народовластия, равно как и идеи брака.

Не имея шансов на то, чтобы диалектически вступить в диалог, три источника смысла имитируют друг друга, особенно в области магистерского образования: преподаватели снисходительны к не имеющим специального базового образования студентам, без них существенно тает учебная нагрузка, сами же магистры снисходительны к качеству образовательных услуг, поскольку ориентированы не на рыночную конкуренцию, а на случай либо личные связи. Администрация вуза с пониманием относится к тому, что преподавательский корпус не следует методическим указаниям, которые под ее давлением сам же себе установил в виде безжизненных методических инструкций и невообразимо путаных рабочих программ. Мы постоянно наблюдаем сакрализацию административных решений, которые не имеют рационального объяснения, поскольку спускаются из трансцендентного «сверху» в виде не подлежащих логическому объяснению и обсуждению меняющихся форм и стандартов образования (одновременное запрещение заочного образования юристов и внедрение онлайн-лекций). Администрация вуза служит посредником между двумя мирами, ее инаковость обусловлена близостью к министерству и потому ее природа чужеродна науке и учебному процессу, более того — самой сущности университета, в которой заложена метафизическая идея служения истине, и сохранению подлинности государства³.

Для рынка актуально лишь то, что содействует реализации программы по повышению конкурентоспособности университета и получению от государства льготного финансирования. На встрече

с сотрудниками кафедры теории и истории государства и права (октябрь 2018 г.) проректор Самарского университета Д.Е. Овчинников определил суть настоящего момента предельно жестко: в современных условиях удовлетворять творческие амбиции преподавателя за счет университета никому не удастся.

Но без амбиций выжить в конкурентной среде не удавалось никому. Профанация, коль скоро она присутствует как факт, неизбежно ставит вопрос о том, а что реально? Или: что имеет шанс быть более реальным, кто располагает онтологическим преимуществом? Где — субстрат, а где — атрибут?

Порочная практика жесткого администрирования и тотальная формализация учебного процесса не содействует соответствию университета уставным целям и задачам: вместо создания «среды, в которой вырастают исследователи» (согласно проекту 5-100), в университете установлен режим, в котором мотивы научного творчества получают оценку исключительно из соображений технической мыслящей администрации.

Системно-функциональное мышление, когда управленческие решения игнорируют индивидуальные смыслы их адресатов, принимая последних лишь в качестве элементов конструируемой системы, политически и исторически несостоятельно. Эти «иерархические модели управления», став приметой нашего времени⁴, все же остаются глубоко провинциальными по своей сути, поскольку рассчитаны исключительно на внешнее одобрение официальных инстанций. Отвращение к работе, в которой нивелированы высокие смыслы науки и культуры, в самых разнообразных формах заявит о себе как самый непосредственный результат профанации. Равнодушный к своей работе преподаватель, успешно имитирующий соответствие требованиям министерства и вуза, в восприятии студентов может быть лишь циником, демонстрирующим свой цинизм как наиболее успешную жизненную стратегию коллективного выживания.

Борьба с имитацией не тождественна борьбе с отдельными недостатками, которые естественны для любой профессиональной среды. В последнем случае есть шанс консолидации административного аппарата, преподавателей и студенчества. Однако имитация как один из ликов профанации вузовского образования исключает консолидацию сообщества в борьбе с невзыскательной «показухой». Дело в том, что с утратой доверия к правовым процедурам и институтам, из которых и складывается административная практи-

ка вуза, солидарность радеющих за соответствие вуза своему назначению возможна лишь за пределами университетской жизни. Так называемая обратная связь администрации и профессорско-преподавательского состава сегодня обременительна: там, где есть свободное волеизъявление трудового коллектива, результат демократического голосования грозит непредсказуемостью. История соединения двух вузов тому наглядный пример: чтобы состоялось решение о присоединении Самарского государственного университета к Самарскому государственному аэрокосмическому университету, потребовалось непосредственное участие бывшего губернатора Н.И. Меркушкина в заседании Ученого совета Самарского университета и расширенный (за счет работников административного аппарата) состав совета.

В итоге наука, равно как и творческое общение преподавателей со студентами, становится личным делом каждого из них. Не случайно публичные лекции, например, в рамках программы «Симпозион», киноклуба «Ракурс», творческого клуба «Цирк Олимп», вечеров в Литературном музее («Горький-центр») стали теми площадками, где творческие амбиции университетских преподавателей города находят выход и встречают внимающую им публику. Их региональный успех и востребованность в культурной жизни Самары не должны заслонять то печальное обстоятельство, что лекторами двигают эскапистские мотивы: их педагогическое мастерство и научное творчество вытесняется из пространства университета как избыточная для него роскошь.

Примечания

¹ См.: Агамбен Дж. Профанации. М.: Гилея, 2014. С. 79-80.

² См.: Зенкин С. Небожественное сакральное. Теория и художественная практика. М.: РГУ, 2012. С. 22.

³ См.: Ясперс К. Идея университета. Минск: БГУ, 2006. С. 136.

⁴ См.: Лехциер В.Л. Университет в глобальном мире: «обитание в руинах» или новый золотой век? // Вестник СамГУ. 2014. № 9. С. 24.